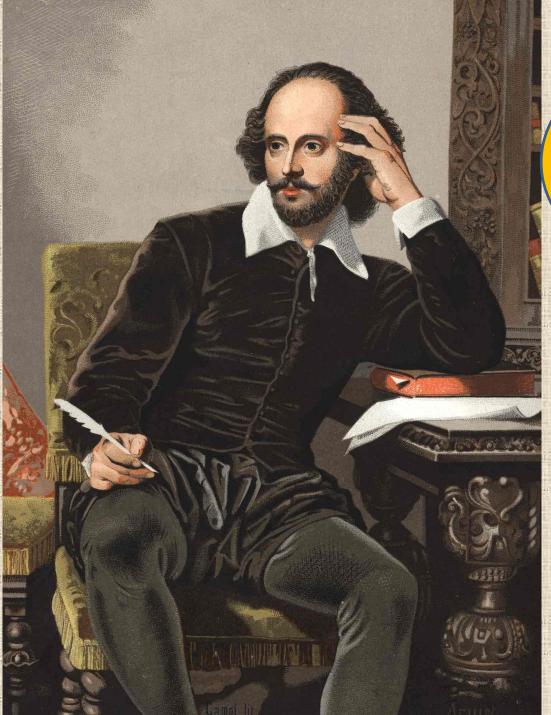

WILLIAM SHAKESPEARE 1564-1616

23, April, 2024

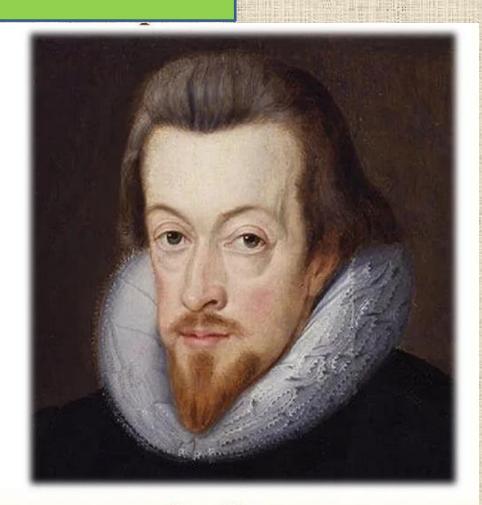
460

PARENTS

Мэри Арден

Джон Шекспир

William, his wife Anne Hathaway, three children Susannah, Hamnet and Judith

"Shakespeare in Love"

https://yandex.ru/video/preview/8433766785565290053

https://www.ivi.ru/watch/95492/trailers/454

"The Globe"

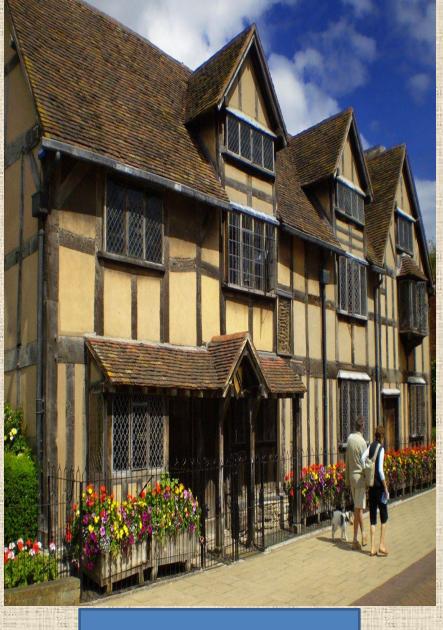

Фамильный Герб

Дом в Стратфорде

Шекспир считал, любовь бывает разной

Generation

Gap

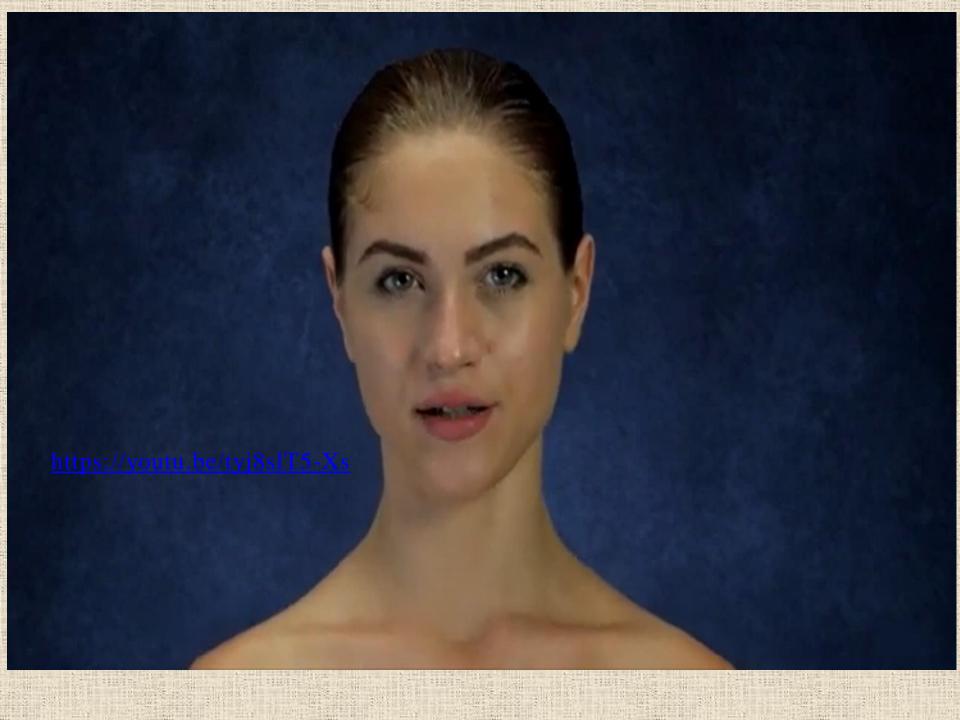

https://yandex.ru/video/preview/1770652 7818126145791

SONNETS

Когда читаю в свитке мертвых лет
О пламенных устах, давно безгласных,
О красоте, слагающей куплет
Во славу дам и рыцарей прекрасных,

Столетьями хранимые черты - Глаза, улыбка, волосы и брови - Мне говорят, что только в древнем слове Могла всецело отразиться ты.

В любой строке к своей прекрасной даме Поэт мечтал тебя предугадать, Но всю тебя не мог он передать, Впиваясь в даль влюбленными глазами.

А нам, кому ты наконец близка, Где голос взять, чтобы звучал века?

Сравню ли с летним днем твои черты? Но ты милей, умеренней и краше. Ломает буря майские цветы, И так недолговечно лето наше!

То нам слепит глаза небесный глаз, То светлый лик скрывает непогода. Ласкает, нежит и терзает нас Своей случайной прихотью природа.

А у тебя не убывает день, Не увядает солнечное лето. И смертная тебя не скроет тень -Ты будешь вечно жить в строках поэта.

Среди живых ты будешь до тех пор, Доколе дышит грудь и видит взор.

Смотри же, чтобы жесткая рука Седой зимы в саду не побывала, Пока не соберешь цветов, пока Весну не перельешь в хрусталь фиала.

Как человек, что драгоценный вклад С лихвой обильной получил обратно, Себя себе вернуть ты будешь рад С законной прибылью десятикратной.

Ты будешь жить на свете десять раз, Десятикратно в детях повторенный, И вправе будешь в свой последний час Торжествовать над смертью покоренной.

Ты слишком щедро одарен судьбой, Чтоб совершенство умерло с тобой!

Мой глаз гравером стал и образ твои Запечатлел в моей груди правдиво. С тех пор служу я рамою живой, А лучшее в искусстве - перспектива.

Сквозь мастера смотри на мастерство, Чтоб свой портрет увидеть в этой раме. Та мастерская, что хранит его, Застеклена любимыми глазами.

Мои глаза с твоими так дружны, Моими я тебя в душе рисую. Через твои с небесной вышины Заглядывает солнце в мастерскую.

Увы, моим глазам через окно Твое увидеть сердце не дано!

My love is strengthen'd, though more weak in seeming; I love not less, though less the show appear: That love is merchandized whose rich esteeming The owner's tongue doth publish everywhere.

Our love was new and then but in the spring When I was wont to greet it with my lays, As Philomel in summer's front doth sing And stops her pipe in growth of riper days:

Not that the summer is less pleasant now
Than when her mournful hymns did hush the night,
But that wild music burthens every bough
And sweets grown common lose their dear delight.

Therefore like her I sometime hold my tongue, Because I would not dull you with my song.

Мешать соединенью двух сердец Я не намерен. Может ли измена Любви безмерной положить конец? Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь - над бурей поднятый маяк, Не меркнущий во мраке и тумане. Любовь - звезда, которою моряк Определяет место в океане.

Любовь - не кукла жалкая в руках У времени, стирающего розы На пламенных устах и на щеках, И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжет мой стих, То нет любви - и нет стихов моих!

Любви моей владыка, твой вассал, Не ради славы собственной творящий, Тебе я эти строки написал Как дань моей любви непреходящей.

Я так люблю, что слов не нахожу. Но, передав посланье наудачу, В нём выдумкой твоей вознагражу Я собственную мыслей недостачу.

Пускай же путеводная звезда Посеребрит любви моей отрепья, Ей платье даст — и стану лишь тогда Достойным твоего великолепья.

Я лишь тогда с любовью объявлюсь, А до тех пор — затихну, затаюсь.

Кто хвалится родством своим со знатью, Кто силой, кто блестящим галуном, Кто кошельком, кто пряжками на платье, Кто соколом, собакой, скакуном.

Есть у людей различные пристрастья, Но каждому милей всего одно. А у меня особенное счастье, - В нем остальное все заключено.

Твоя любовь, мой друг, дороже клада, Почетнее короны королей, Наряднее богатого наряда, Охоты соколиной веселей.

Ты можешь все отнять, чем я владею, И в этот миг я сразу обеднею.

Мы урожая ждем от лучших лоз, Чтоб красота жила, не увядая. Пусть вянут лепестки созревших роз, Хранит их память роза молодая.

А ты, в свою влюбленный красоту, Все лучшие ей отдавая соки, Обилье превращаешь в нищету, - Свой злейший враг, бездушный и жестокий.

Ты - украшенье нынешнего дня, Недолговременной весны глашатай, - Грядущее в зачатке хороня, Соединяешь скаредность с растратой.

Жалея мир, земле не предавай Грядущих лет прекрасный урожай!

Будь так умна, как зла. Не размыкай Зажатых уст моей душевной боли. Не то страданья, хлынув через край, Заговорят внезапно поневоле.

Хоть ты меня не любишь, обмани Меня поддельной, мнимою любовью. Кто доживает считанные дни, Ждет от врачей надежды на здоровье.

Презреньем ты с ума меня сведешь И вынудишь молчание нарушить. А злоречивый свет любую ложь, Любой безумный бред готов подслушать.

Чтоб избежать позорного клейма, Криви душой, а с виду будь пряма!

О, как любовь мой изменила глаз! Расходится с действительностью зренье. Или настолько разум мой угас, Что отрицает зримые явленья?

Коль хорошо, что нравится глазам, То как же мир со мною не согласен? А если нет, - признать я должен сам, Что взор любви неверен и неясен.

Кто прав: весь мир иль мой влюбленный взор? Но любящим .смотреть мешают слезы. Подчас и солнце слепнет до тех пор, Пока все небо не омоют грозы.

Любовь хитра, - нужны ей слез ручьи, Чтоб утаить от глаз грехи свои!

Не знает юность совести упреков, Как и любовь, хоть совесть - дочь любви. И ты не обличай моих пороков Или себя к ответу призови.

Тобою предан, я себя всецело Страстям простым и грубым предаю. Мой дух лукаво соблазняет тело, И плоть победу празднует свою.

При имени твоем она стремится На цель своих желаний указать, Встает, как раб перед своей царицей, Чтобы упасть у ног ее опять.

Кто знал в любви, паденья и подъемы, Тому глубины совести знакомы!

"On Shakespeare", by J.Milton 1630

пер. С.Я.Маршака

What needs my Shakespeare for his honour'd Bones, The labour of an age in piled Stones, Or that his hallow'dreliques should be hid Under a Stary pointing Pyramid? Dear son of memory, great heir of Fame, What needs't thou such weak witness of thy name? Thou in our wonder and astonishment Hast built thyself a live-long Monument. For whilst, to th' shame of slow-endeavouring art, Thy easy numbers flow, and that each heart Hath from the leaves of thy unvalued book Those Delphic lines with deep impressions took, Then thou, our fancy of itself bereaving, Dost make us marble with too much conceiving, And so sepulchred in such pomp dost lie That king for such a tomb would wish to die.

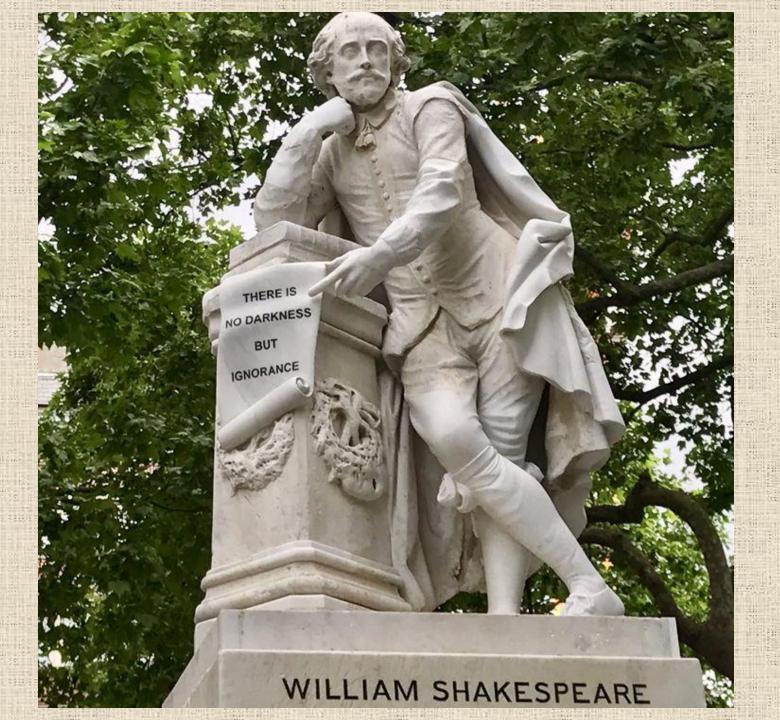

Кто под звездой счастливою рожден — Гордится славой, титулом и властью. А я судьбой скромнее награжден, И для меня любовь - источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер Наперсник принца, ставленник вельможи. Но гаснет солнца благосклонный взор, И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед, В бою последнем терпит пораженье, И всех его заслуг потерян след. Его удел - опала и забвенье.

Но нет угрозы титулам моим Пожизненным: любил, люблю, любим.

Весь мир – театр, и люди в нем актеры

Viola. She took the ring of me;—I'll none of it.

Malvolio. Come, sir, you previshly threw it to her; and her will is, it should be so returned.

Act II. Scene II.

